

Министерство культуры Красноярского края
Красноярская краевая детская библиотека
Отдел методического обеспечения
и инновационной деятельности библиотек

ДЕТИ НА ВОЙНЕ

**Методико-библиографические материалы
по творчеству Э.Н. Веркина**

**Красноярск
2025**

Составитель:

О. В. Аешина, главный библиотекарь отдела методического обеспечения и инновационной деятельности библиотек Красноярской краевой детской библиотеки

Редактор:

А. В. Андреева, ведущий методист отдела методического обеспечения и инновационной деятельности библиотек Красноярской краевой детской библиотеки

Компьютерная верстка:

А. В. Андреева, ведущий методист отдела методического обеспечения и инновационной деятельности библиотек Красноярской краевой детской библиотеки

Ответственный за выпуск:

Т. Н. Буравцова, директор
Красноярской краевой детской библиотеки

В 2025 году исполняется 50 лет одному из самых ярких современных российских авторов, лауреату престижных литературных конкурсов и премий, члену Союзписателей России — Эдуарду Николаевичу Веркину, также известному под псевдонимом Макс Острогин.

Эдуард Веркин родился 13 мая 1975 года в городе Воркуте. Отец писателя — шахтёр, мама — фармацевт. Имя мальчику придумал папа, по семейному преданию, по пути на работу — автобус медленно тащился к шахте, ехать час, делать нечего, папа придумывал имена и остановился на имени Эдуард.

Автор часто шутит, что одно из самых ярких воспоминаний детства — это детсад «Солнышко». Волшебная лошадь с молочной кухни (в садик всю провизию почему-то привозили на лошадях), похожая на мохнатый серебристый сугроб. Им, детсадовцам, даже разрешалось покататься в санях. Как вспоминает сам автор, в детском саду они со сверстниками часто любили пугать друг друга страшилками об ужасном снежнике, похищающем детей. Один рассказывал с ужасом, как снежник утащил собаку, другой видел его в сарае, а у третьего мальчика и вовсе получался невероятный рассказ о том, как знакомый пошёл в пургу в магазин и не вернулся — унёс снежник.

Затем обычная средняя школа. Самая обычная, самая средняя. Десять лет. Никаких лошадей, никаких снежников, почти одна скука. Спасало чтение книг. *«Я вырос на „мальчуковой” литературе: на весёлых разгульных мушкетёрах, суровых покорителях космоса,*

собаках Баскервильей, всадниках без головы, путешественниках во времени, длинных карабинах и прочих малорефлективных гражданах. Я, о ужас, не любил муми-троллей...» — вспоминает Эдуард Николаевич. В детстве среди любимых книг будущего писателя были «Главный полдень» Александра Мирера, «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, «Улица младшего сына» Льва Кассиля, «На войне как на войне» Виктора Курочкина, «Иван Тигров» Николая Богданова.

Первые семь классов в школе для Эдуарда прошли под бдительным родительским контролем, что не могло не отразиться на процессе обучения: почётные грамоты, победы на олимпиадах, отличные отметки. В старших классах он сначала учился так же хорошо, но это требовало дополнительных душевных усилий. Как результат — полдюжины троек в аттестате, необоримое нежелание учиться дальше, провал на вступительных экзаменах в вузе. Поскольку в институт после школы он не поступил, пришлось идти работать. Это его и образумило. Как говорит сам писатель, он загорелся желанием учиться дальше. И лето 1993 года ознаменовалось уже беспроблемным поступлением в Сыктывкарский государственный университет. В университете Эдуард учился параллельно на двух факультетах: историческом и юридическом. В это же время начал писать... Первой пробой пера, заслуживающей внимания, Эдуард Николаевич считает конкурсную работу, посвящённую 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Она была напечатана в одной из газет, не заняла никакого места, однако

принесла автору первый гонорар. Это трогательная история о том, как было бы хорошо, если бы дедушка остался жив, а не погиб под Сталинградом.

После завершения учёбы в институте Эдуард Веркин работал преподавателем обществоведения в одном из вузов Воркуты. Иногда тоже «что-то сочинялось». Вначале, по воспоминаниям писателя, получалось не очень хорошо. И решил он как-то написать про свою бабушку. Простой сюжет: бабушка в церковный праздник идёт со своей собачкой на кладбище и убирает могилки родственников. Вспоминает всё хорошее, что сделал ей человек. А потом вспоминает что-то плохое и вырывает цветочки с могилы. Так постепенно она оказывается на могиле мужа, который погиб на фронте через год после свадьбы. *«Я закончил этот рассказ и понял, что он получился»*, — вспоминает Эдуард Николаевич. Так появился рассказ «Звёздный городок», который был опубликован в 2003 году в журнале «Урал» и стал широко известен читателям. Доверие и интерес, с которым встретила читающая публика произведения Эдуарда Веркина, помогли ему влиться в воркутинский Союз писателей. В 2003 году по рекомендации союза он поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького.

В юности Эдуард увлекался чтением книг Стивена Кинга, и ему всегда хотелось написать что-то подобное. *«В своё время я прочитал большое количество и наших, отечественных, "страшилок", они мне не очень понравились, и я решил сочинить свою»*, — говорит писатель в одном из интервью. В 2004 году в серии

«Страшилки» издательства «Эксмо» вышла первая книга автора «Пятно кровавой луны». С тех пор Эдуард Николаевич активно сотрудничает с издательством. Его книги выходят в сериях «Кошмарики», «Страшилки», «Лучшая книга ужасов», «Космические приключения», «Большая книга приключений».

После выхода «страшилок» автор продолжил писать новые произведения, пробуя себя в других жанрах. Тем более всё в его жизни вело к тому, чтобы стать сочинителем: *«Бесперспективная работа. Малоденежная и бестолковая... Зима, тянувшаяся по девять месяцев. Бесконечная ночь, а летом такой же бесконечный день с незаходящим солнцем... Всё, что надо для того, чтобы выдумать свой мир. И мир был выдуман».*

В 2006 году появилась книга **«Место снов»**, открывшая фантастическую серию детского фэнтези **«Хроника Страны Мечты»**, — о мире из компьютерной игры, ставшем реальностью. Она принесла начинающему писателю известность и любовь читателей, а также престижную литературную награду — премию «Заветная мечта» 2007 года «За лучшее произведение в жанре научной фантастики или фэнтези». В 2008 году писатель вновь стал лауреатом «Заветной мечты» в номинации «Большая премия» за роман «Кошки ходят поперёк». Эта «сказка про мир, где сбываются все мечты» до сих пор остаётся для него главным и любимым творением. В настоящее время в цикл входят пять книг: «Место Снов» (2006), «Пчелиный волк» (2007), «Кошки ходят поперёк» (2007), «Снежные псы» (2009), «Краткая

история тьмы» (2013). В планах и 6-я книга — продолжение «Хроники Страны Мечты».

Эдуард Веркин — писатель разноплановый. *«Я не очень понимаю авторов, привязанных к одному жанру и стилю, мне кажется, звучать на одной ноте скучно и утомительно»*, — считает писатель. В его творческом багаже детективы, «страшилки», фантастика, фэнтези, мистика, приключения, путешествия. В своих книгах Эдуард Николаевич пишет о том, что волнует ребят, о школе и проблемах современных подростков. Идеи и темы для своих произведений писатель черпает из детства: детсадовских воспоминаний, «страшных историй», которые рассказывались во время тихого часа, школьных будней ученика советской средней школы. Одним словом, личные житейские наблюдения легли в основу многих произведений автора.

В 2010 году вышла повесть **«Друг апрель»**. Произведение было высоко оценено критиками и даже включено в список выдающихся книг мира «Белые вороны – 2012».

В 2012 году увидела свет резонансная повесть **«Облачный полк»** — современная книга о войне и её героях, о долге, о мужестве жить. Подростки отдали ей первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». В 2018 году по результатам опроса 24 экспертов «Облачный полк» вошёл в список 100 главных книг постсоветского времени, составленный сайтом «Год литературы».

Также Эдуард Веркин — автор нескольких познавательных книг для подростков: «Мальчишкам до 16 и старше», «Для мальчиков и девочек. Книга советов по выживанию в школе», «Для стильных девчонок и... не только. Настольная книга по жизни» (соавтор Е. Усачёва). Серию **«Только для мальчишек»** открыла его книга «Челюсти — гроза округи. Секреты настоящей рыбалки». Уникальность книг этой серии — в сочетании художественного повествования с полезной информацией из самых различных областей — техники, спорта, путешествий, игр, увлечений и многого другого.

Всего им написано более 90 повестей, романов и рассказов для детей. В творческом активе писателя есть и циклы произведений: «Приключения Витьки и Генки» (8 книг), «Расследования Феликса Куропяткина» (7 книг), «Черничная чайка» (3 книги). А книги для взрослых «Остров Сахалин» и «Снарк. Снарк» (в двух томах: «Чагинск» и «Энцелада») получили ряд престижных литературных наград.

Эдуард Веркин — победитель и лауреат многих российских и международных премий и конкурсов:

2007 г. — лауреат Национальной детской литературной премии «Заветная мечта» в номинации «За лучшее произведение в жанре научной фантастики или фэнтези» (за роман «Место Снов»);

2008 г. — лауреат (Большая премия, 1-е место) Национальной детской литературной премии «Заветная мечта» (за роман «Кошки ходят поперёк»);

2009 г. — лауреат (Большая премия, 2-е место) Национальной детской литературной премии «Заветная мечта» (за роман «Мертвец»);

2010 г. — лауреат (вторая премия) II Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (за повесть «Друг апрель»);

2012 г. — повесть «Друг апрель» включена в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый экспертами Международной Мюнхенской юношеской библиотеки;

2012 г. — лауреат (1-е место) II сезона Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» в номинации «Художественная литература» (за повесть «Облачный полк»);

2012 г. — лауреат (4-е место) Международной детской литературной премии имени В. П. Крапивина (за повесть «Облачный полк»);

2012 г. — лауреат премии Ивана Петровича Белкина в номинации «Учительский Белкин» — специальная премия учителей словесности (за повесть «Облачный полк»);

2012 г. — лауреат Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», проходившего в рамках Славянского форума искусств «Золотой Витязь» (золотой диплом), в номинации «Детско-юношеская литература» (за повесть «Друг апрель»);

2013 г. — лауреат Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова в номинации «Мастер. Проза» (за повесть «Облачный полк»);

2017 г. — лауреат премии «Планета Крым» имени Леонида Панасенко за лучшее фантастическое произведение гуманистического плана (за повесть «Звездолёт с перебитым крылом»);

2017 г. — лауреат литературной премии в области фантастики «Новые горизонты» (за повесть «ЧЯП»);

2019 г. — лауреат (1-е место) X сезона Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» в номинации «Художественная литература» (за повесть «Осеннее солнце»);

2019 г. — литературная премия «Час быка» за самое социально ориентированное произведение (вручена на XIX Международной литературной конференции по вопросам фантастики «РосКон») (за роман «Остров Сахалин»);

2019 г. — лауреат премии «Филигрань» («Большая Филигрань», вручена на XII Чтениях памяти братьев Стругацких) (за роман «Остров Сахалин»);

2020 г. — «АБС-премия» в номинации «Художественное произведение» (за повесть «Каникулы что надо»);

2020 г. — «Премия Читателя» (за повесть «Облачный полк»).

В настоящее время писатель проживает в городе Иванове. Женат. Имеет двоих сыновей. Своим детям читает разные книги классиков-современников. Предпочитает не рассказывать о планах на будущее.

Считает себя суеверным, любит, чтобы его книги лежали в темноте. Мечтает, что, когда выйдет на пенсию, то купит семитомник «Гарри Поттера» и 20 компьютерных игр, в которые не поиграл, со шлемом виртуальной реальности, будет играть и читать. Увлечения: мотоцикл, рыбалка. Правда, в настоящий момент на увлечения времени почти нет, поскольку литературная деятельность отнимает слишком много сил.

Произведения автора переведены на немецкий, польский, французский, финский, чешский, сербский, арабский, японский и другие языки.

Эдуард Веркин — один из тех писателей, которые могут создавать и рассказы-страшилки для детей, и захватывающие фантастические повести для подростков, и прозу для взрослых — военные истории, научно-фантастические романы, рассказы о любви. И всё это получается у него одинаково интересно и увлекательно. В творчестве автора каждый найдёт произведение для себя.

Литературный час «ДЕТИ НА ВОЙНЕ»
(по книге Э.Н. Веркина «Облачный полк»)
для читателей 14–16 лет¹

Длительность мероприятия: ≈1 час.

Подготовка к мероприятию начинается приблизительно за две недели до проведения: участники делятся на четыре группы (по 7 человек). Каждой группе выдаются задания для подготовительной работы:

- **1-й группе:** по предложенным отрывкам из текста (см. Приложение 1) составить словесные портреты бойцов 67-го партизанского отряда: Саныча, Ковальца, Лыкова, Глебова, Алевтины, Димки.

Маркеры для портрета:

- имя (прозвище);
- возраст;
- род занятий до войны и в партизанском отряде;
- черты характера, привычки (увлечения);
- краткая характеристика (какими качествами автор наделяет героя).

Задание одному из участников группы:
подготовить сообщение о Леониде Голикове
(см. Приложение 2);

---

¹ Повесть «Облачный полк» имеет возрастную маркировку 16+, но её главы входят в школьную программу предмета «Русская родная литература» для 8-го класса, поэтому мероприятие основано на отдельных фрагментах из книги.

- **2-й группе:** прочитать отрывок из главы 5 — описание встречи с художником (см. Приложение 3).

Подумать над вопросами:

- Для чего в книге появляется образ художника?
- Какую роль играет этот образ?
- Как вы понимаете название картины?

Задание одному из участников группы: подготовить сообщение о художнике Ефиме Честнякове (см. Приложение 4).

- **3-й группе:** прочитать отрывок из главы 10 о письмах детей о жизни в оккупации (см. Приложение 5).

Подумать над вопросами:

- Почему писатель включил эту сцену в повесть?
- Как вы понимаете последнее предложение отрывка?

- **4-й группе:** подготовить короткие сообщения (3–4 сообщения) о детях-героях (кроме Лёни Голикова).
Общее время выступления — не более 10 минут.

Два человека из 4-й группы, пользуясь каталогом библиотеки, готовят презентацию с подборкой книг о детях на войне (5 книг). Каждый слайд презентации должен быть посвящён одной книге и включать в себя фото книги, её библиографическое описание и аннотацию.
Общее время выступления — не более 10 минут.

- Ещё два участника мероприятия получают творческое задание: подготовить инсценировку разговора главного героя с правнуком [1, с. 14].

Примерный сценарий литературного часа «ДЕТИ НА ВОЙНЕ»

Ведущий. Давно закончилась Великая Отечественная война, которая унесла жизни миллионов людей. Эта страница истории Отечества навсегда останется в нашей памяти. У целого поколения людей, рождённых с 1928 по 1945 год, украли детство. Их называют «дети войны». И дело здесь не только в дате рождения. Этим детям воспитала война. Многие из них, лишившись родителей, боролись с фашизмом с оружием в руках, становясь сыновьями и дочерьми полков или юными партизанами. Во время Великой Отечественной войны против гитлеровских оккупантов действовала целая армия мальчишек и девчонок.

Война не давала детям времени на взросление — они сразу становились взрослыми! Девчонки и мальчишки вынуждены были выживать в сложнейших условиях военного времени.

Выступления ребят с сообщениями о детях-героях.

(Можно дополнительно оформить выставку о пионерах-героях)

Ведущий. В послевоенные годы появилось много книг о подростках на войне, о пионерах-героях снимали фильмы, в их честь называли улицы городов. Произведения о судьбах этих детей не оставляют равнодушными никого из читателей.

***Выступления ребят с презентацией
по книгам о детях войны.***

Ведущий. И в наши дни тема детей на войне не потеряла актуальности. Сегодня мы познакомимся с ещё одной книгой о Великой Отечественной войне. Это повесть Эдуарда Николаевича Веркина «Облачный полк».

Перед нами очень неожиданная книга нашего современника, не знавшего войну. Одних читателей эта повесть удивила, у других вызвала недоумение, споры и даже неприятие.

Чем же необычна повесть «Облачный полк»? Начинается она... Впрочем, лучше давайте посмотрим. Итак, веранда, наши дни, прадед Дмитрий и его правнук Вовка ведут разговор...

***Инсценировка разговора главного героя
с правнуком.***

На веранде сидят прадед Дмитрий в валенках и его правнук Вовка. Вовка вертит в руках кеды.

Прадед. Хорошие тапки.

Вовка. Тогда на чердак? В прошлый раз сундук мы так и не открыли, не успели. Давай сегодня, а?

Вовка снимает со стены связку, начинает подбирать ключ к сундуку, постукивает по замку, некоторые ключи разглядывает пристально, в другие свистит. Подбирает ключ, замок щёлкает, Вовка отскакивает, настороженно смотрит на деда.

Прадед. Сундук ещё твоему... прапрадеду принадлежал. Он его сам, кажется, и сделал.

Вовка (подозрительно). Обычный?

Прадед. Самый что ни на есть.

Вовка. Ага... Я читал, есть такие сундуки... Хитрые. Сундуки-убийцы, короче. Ты его открываешь, а оттуда стрела отравленная. Или дротик. Или механический скорпион. Мера предосторожности от кладоискателей, так вот.

Прадед. Этот без дротика.

Вовка возвращается к сундуку, подцепляет за ручки крышку, толчком, по-штангистски выбрасывает её вверх, откидывает к стене.

Вовка. Ого!!! Да... (потирает руки о штаны и достаёт ремень). Твой?

Прадед. Кажется...

Вовка. Военный?

Прадед. Ага.

Вовка. Со звездой, как надо... (придирчиво изучает зеленую, поселившуюся на бляхе, недовольно морщится). Нужно пастой почистить... (надевает ремень).

Вовка. Ничего лямка. Сколько лет, а как новенький, даже не протёрся. А мне мама купила — так через два месяца порвался... А правда, что на ремне бритву раньше точили? В кино показывают.

Прадед. Можно и на ремне. Но у меня брусок особый был.

Вовка. Ясно... А это что? (вытаскивает из сундука вишнёвый футляр). Погоди! Погоди! (машет рукой)

Угадаю! Это старинный... миксер? (стучит по футляру). Нет? Не миксер... Арифмометр?

Прадед. *Это не арифмометр.*

Вовка бережно потряхивает футляр.

Вовка. *Тогда, наверное, фотоаппарат. Ты ведь и раньше фотографией увлекался, наверное, это твой? (открывает футляр, достает аппарат).*

Вовка (читает). *«Вельта Вельтикс»? Трофейный? (рассматривает аппарат с разных сторон) Так там плёнка вроде бы. Это ещё военная? Ого! (бережно ставит аппарат на стол) А почему не проявишь? Там же, наверное, снимки важные. Можно было бы напечатать...*

Прадед. *Она засвечена.*

Вовка. *А что там было? Важное? (пытается разглядеть что-то на плёнке) А чего не выкинешь? Если она всё равно испорчена? Зачем хранишь?*

Прадед молчит.

Вовка (рассуждая). *Правильно, что хранишь (кивает головой). Сегодня нельзя проявить, а завтра можно будет, техника ведь на месте не стоит. Придумают новый сканер, глядишь, и увидим.*

Прадед. *Это да. Техника. Может, лет через двадцать. Дожить бы.*

Вовка. *Вообще все вещи не надо выкидывать, они со временем только дорожают. Кроме того, старые*

вещи — это ведь память. Берёшь какую-нибудь там ложку и вспоминаешь. Я вот ещё в детском саду язык о ложку ожёг — она на плите лежала, а я её за кончик взял и зачем-то лизнул. Потом месяц разговаривать не мог. С тех пор как ложку увижу, сразу чувствую, как язык щиплет. А ты что тогда чувствовал?

Прадед. Когда?

Вовка (продолжает допытываться). На войне. Что ощущал? Ну, внутренне? От обычной жизни чем отличается?

Прадед. Внутренне?

Вовка. Ага. Я объясню. Вот сейчас солнечно. Мы на чердаке сидим, а всё равно солнечно — это чувствуется. И заливом пахнет, и пылью, спать ещё охота. А завтра воскресенье, и с утра можно пойти ловить бычков. И поэтому у меня сейчас очень субботнее настроение. Ну, ты понимаешь?

Прадед. Примерно.

Вовка. А вот если в понедельник начинались бы каникулы, то настроение было бы ещё субботнее. У тебя случается субботнее настроение?

Прадед. Конечно. В последнее время у меня почти всегда настроение субботнее.

Вовка. А на что похожа война? По ощущениям?

Ведущий. Так начинается повествование книги, в которой глава большого и благополучного семейства, поддавшись настойчивым уговорам любопытного правнука, вспоминает войну — студёную зиму 1942 года и жизнь в партизанском отряде на Псковщине.

«На что похожа война?» — спрашивает правнук. Как бы вы ответили на этот вопрос? Какие ассоциации возникают у вас со словом «война»? (*Ведущий записывает названные слова на доске или бумаге*)

Давайте послушаем ответ прадедушки, которому в далёком 1942 году было всего 14 лет:

«...Сразу я не отвечаю, какое-то время думаю, стараясь подобрать. Вовка ждёт. ...Он читал энциклопедии, смотрел фильмы, играл на компьютере и спорил на оружейных форумах. Но не понял.

— На что?

— На болезнь, — отвечаю я.

Теперь думает уже Вовка, вслух:

— Как будто всё происходит не с тобой, а рядом. В параллельном мире... Так?

— Наверное. Всё время надо куда-то идти, каждый день, и всё время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять раз просыпаешься... Короче: ты больной, с распухшей головой бредёшь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться.

— Нормально...

Вовка закрывает глаза и представляет войну. Недолго, минута — и он легко выкидывает из головы всю эту лишнюю чушь.

— Понятно в общих чертах, потом подробнее расскажешь, хорошо?

Это на самом деле похоже на болезнь. И на смерть тоже, только я Вовке об этом не сказал. И ещё на сорок разных вещей она похожа...» [1, 26].

Ведущий. *Представьте... «Город на северо-западе России. Его только что бомбили. Во многих домах разгорается пожар. На балконе одного дома стоит девочка, кричит, машет руками. Внизу несётся пожарная машина. Она не останавливается. Пожарные не видят девочку... а может, торопятся тушить охваченные пламенем склады, потому что огонь повсюду. Всё смешалось. Родной, изученный до мелочей город в несколько минут стал незнакомым и враждебным».*

Девочка — сестрёнка героя книги. Она погибла на его глазах. Так для 14-летнего мальчика Митьки началась война.

Ведущий. *Почему война — это «болезнь»? (Автор показывает войну изнутри, передаёт ощущения героев-подростков. Дети чувствуют всё острее. Может быть, поэтому война по ощущениям воспринималась как болезнь)*

Ведущий. *Вы не встретите в повести батальных сцен, до поры до времени нет здесь и открытых столкновений с врагом. «Облачный полк» поднимает темы серьёзные, страшные, но мимо них проходить нельзя», — пишет автор. Они раскрываются в разговорах, размышлениях, мечтах, спорах детей-подростков, шагающих по лесам и деревням с партизанским заданием. Какие же вопросы не дают покоя автору и его героям?*

Ведущий. Одна из проблем, поднимаемых в книге, — героический подвиг. Здесь нет высокопарного описания героического. Герои не портретные — это живые люди с разными характерами.

Главные герои повести — 14-летний Митяйка, постоянно голодный, вечно промёрзший до костей, контуженный, после гибели семьи оказавшийся в партизанском отряде, и его отрядный ангел-хранитель Саныч — смелый, всезнающий и всего на несколько лет старше. Перед нами также предстают другие бойцы партизанского отряда, каждый из них — личность. Познакомимся с ними поближе.

Выступления ребят со словесными портретами бойцов партизанского отряда.

Ведущий. Юного партизана Саныча за всё время повествования в книге назовут по имени только дважды — Лёньюкой; по фамилии командир отряда обратится к нему лишь однажды, незадолго до гибели. Слышали ли вы когда-нибудь имя **Леонид Голиков**? Когда-то его знали все дети нашей страны. Повесть Эдуарда Веркина связана с судьбой пионера-героя, партизана, Героя Советского Союза Леонида Александровича Голикова, погибшего в 1943 году. Переосмыслив знакомую с детства биографию Лёни, писатель рассказал необычную историю, сюжет которой связан с тайной подлинной фотографии юного героя.

Рассказ одного из участников о Леониде Голикове.

Ведущий. Отличается ли информация из услышанного сообщения о Лёне от рассказа о Саныче из книги? *(В книге о нём рассказывается как об обычном подростке, его увлечениях, характере, поведении, а в сообщении — как о герое. Но, в целом, сообщения дополняют друг друга)*

Ведущий. Может ли пионер-герой стать героем нашего времени? *(Ответы детей)*

Ведущий. В своём произведении Эдуард Веркин говорит о сохранении памяти о героях. Они все уйдут. У Саныча — Лёньки, Леонида, царя спартанского, до конца державшего Фермопильский проход, — своя судьба. На небо он уйдёт последним. Будут ли помнить тех, кто погиб, защищая Родину?

Вот как рассуждают об этом герои повести *(зачитывает цитаты на экране)*.

Цитаты:

«Герои — это ненадолго... Как война закончится, так и всё. Другие дела найдутся... Сначала отстраиваться, потом жить, потом ещё чего — мало ли? Забудут. У нас вообще героев много, тысячи, разве их вспомнишь? Сейчас война через всю страну протянулась — каждый день бои. Каждый день кто-то подвиг совершает... А ещё лётчики, а ещё на море, а сколько просто так... Всех неохранишь. Не узнаешь даже».

«...Ковальца вот только жалко — ничего и не увидел. Только жить начал... А он ведь тоже герой. А помнить его не будут, вот что погано...»

«А ведь Чапаев вообще большой герой, а если бы про него кино не сделали, то никто бы и не помнил. Но про всех кино не получится. Даже вспомнить по именам не получится... Вот и обидно — жил, вроде, человек, а ведь как и не было».

«И потом, нам нужны герои. Понимаешь? Народ не живёт без героев, это высокопарно звучит, я понимаю, конечно... Но ведь это так».

Вопросы:

- Что думаете вы, ребята, по этому поводу?
- Как вы понимаете эти цитаты?
- Согласны ли вы с этими утверждениями?
(Ответы детей)

Ведущий. Подвиг людей, прошедших войну, не забыт. Как в наши дни стараются сохранить память о тех, кто отстоял мир на нашей земле? (Во многих городах увековечена память о подвигах героев Великой Отечественной войны: им установлены памятники, в их честь названы улицы, переулки, школы. Каждый год по всей стране проходит акция «Бессмертный полк»)

Ведущий. В одной из глав повести герои попадают к сельскому живописцу, который предвидит будущее и запечатлевает на своём полотне защитников Родины — воинов прошлых лет, настоящих и будущих. Картину он называет «Облачный полк». На ней художник изображает и Саныча. Вот как описывает картину Саныч:

«— У него там картина стоит, ты видел же. Странная картина, люди какие-то непонятные, смотрят как-то... Ну, не знаю... Как завучи. Целая картина одних завучей! Аж пробирает, глаза точно отдельно ото всего нарисованы... Глазастая картина!

Саныч поёжился.

— ... Одеты странно, вроде все в рубахах белых, а если присмотреться, то и нет — из-под рубах другое просвечивает. У некоторых мундиры старинные, у других кольчуги, и в форме тоже есть. И это...

Саныч опять оглянулся.

— Темно, конечно, было... Но они как живые. Словно покачиваются. И сколько их, непонятно, вроде немного, но если долго смотреть... На самом деле, может, и полк».

Ведущий. Почему художник рисует на своей картине Саныча? Как вы думаете, в чём смысл картины «Облачный полк»? (Возможная интерпретация: картина — это образ вечного подвига. Защитники Родины разных эпох все вместе, в одном ряду. «Облачный полк» — это образ единства прошлого, настоящего, будущего, это образ Памяти) Кого ещё вы бы поместили на эту картину? (Ответы детей)

Ведущий. История о художнике-провидце — реальная. Прототипом этого героя стал народный художник Ефим Честняков, который жил в глухой деревне в Костромской области. Что известно об этом человеке? Чем он был уникален?

***Краткое сообщение участника
о художнике Ефиме Честнякове.***

Ведущий. Ефим Честняков был человеком эксцентричным. В деревнях фотографов не было, и местные обращались к нему с просьбой нарисовать свадьбу или деревенских детей. Ещё до войны он стал пририсовывать ребятам красные звёздочки. Во время войны те, кого Честняков «наградил» звёздочками, возвращались с настоящими наградами. Когда он умер, жители деревни пришли к нему домой, разрезали на кусочки большую картину «Город всеобщего благоденствия» и разнесли их по избам как иконы.

Ведущий. Война — это страшно. В повести «Облачный полк», как во многих произведениях о войне, тоже встречаются тяжёлые эпизоды. *«В книге есть довольно жёсткая сцена, где я использовал литературно обработанные документальные свидетельства — воспоминания детей о жизни в оккупации. Для книги их даже смягчать пришлось»*, — говорит писатель.

Ведущий. Во время очередного похода в лес Митька и Саныч находят мёртвого немца с сумкой, в которой лежали письма.

**Ребята 3-й группы зачитывают фрагмент
о письмах из главы 10 (сложенные листочки-письма
с отрывками из повести)**

Ведущий. Что вы узнали из писем советских ребят о жизни мирного населения на оккупированной территории? Как вы думаете, зачем автору понадобилось включать в произведение эти жестокие эпизоды? *(Возможные аргументы: зло реально, зримо, об этом надо знать. Эпизод рассказывает об ужасах войны тем, кто никогда её не видел)*

Сделайте вывод: кто помимо воинов гибнет на войне? *(На войне гибнут не только солдаты, но и мирные жители: женщины, дети, старики)*

Ведущий. Как вы думаете, почему Эдуард Веркин написал повесть «Облачный полк»? *(Напомнить о юных героях, погибших во время Великой Отечественной войны)*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ведущий. XX век давно закрыл свои двери, унеся с собой миллионы жизней, уничтоженных войнами. Но сквозь пороховой дым смотрят на нас и Саныч, и Ковалец, и Алька, и многие другие, — те, кто навсегда вписал своё имя в память нашего народа, кто отдал свою жизнь за наши жизни, кто верил в то, что победа будет за нами, кто улыбается нам с картины «Облачный полк».

ДИМКА

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«Я на свадьбе пока не гуливал, да и вообще по сравнению с Санычем видел мало, поработать и то не успел». [1, 34]

«Я не умею хорошо рассказывать, по пути начинаю стесняться, мне кажется, что я выгляжу глупо и говорю неправильно». [1, 35]

«Саныч не мог остановиться, велел пережёвывать пищу тщательней, чтобы извлечь из неё все питательные вещества, я старался не слушать. Со мной давно уже так, точно выключаюсь. Вот лампочка светит, а вот электричество кончилось. И сразу как-то, щёлк. Сначала вроде чувствую — вот предатель, вот он, гад, в руках злость начинает пошевеливаться... И всё, пустота, как батарея садится». [1, 40]

«Это случилось в пятый день, значит, двадцать седьмого. Я думал, это наши. Тогда я ещё не научился определять самолеты, ни по виду, ни по звуку, ни по высоте полёта. Они и появились-то с нашей стороны, с востока, стайка чёрных мух, почти незаметных на фоне восходящего солнца, я на них и внимания

не обратил — в последнее время в небе было оживлённо, мы привыкли лишней раз голову не задирать.

Тем утром я ловил свет. Солнце поднималось, оно уже высоко всползло над крышами, ещё несколько минут — и трубы мехзавода лягут в кадр, солнце повиснет между ними, как лампа. Сирены завывали слишком поздно. Поздно — даже я видел чёрные кресты на крыльях. Заработали крупнокалиберные пулемёты, воздух вспороли трассеры, заухало возле моста — там, где стояла зенитная батарея. Небо зачернело разрывами, но стая сдержала строй, с равномерным пчелиным гудением она наползла на город и рассыпалась уже за рекой. От неё оторвались небольшие самолёты с неправильными поломанными крыльями и торчащими из-под брюха шасси, они походили на стрижей, быстро юркнувших к воде, чтобы напиться, только им не нужна была вода, они падали к мосту, и через секунду земля дрогнула, я упал на крышу, и съёжился, и загрохотало уже без перерыва, и ревело, ревело, как циркулярная пила, напоровшаяся на медный штырь.

Я открыл глаза. Город спал. Люди не успели проснуться, не понимали, что происходит, никто не бежал, никто не спасался, несколько едва проснувшихся горожан растерянно смотрели вверх. Батарея у моста замолчала, разрывы в небе прекратились, стая бомбардировщиков медленно разворачивалась, заруливала на второй заход. Ещё стрекотали пулемёты, они ещё пытались закрыть город, но самолёты не замечали их, медленно распространялись над нами, казалось, что они висят, что их лишь чуть сдувает

ветром, вниз снова полетели бомбы. И тут грохнуло уже по-хорошему, крыша опять толкнула меня, я подлетел, свалился, попробовал встать. Железо плясало подо мной, стоять не получалось совсем, я прижимал к себе камеру, стараясь её не разбить изо всех сил, было страшно...

А потом я увидел свой самолёт. Он заходил со стороны солнца. И бомбу я в этот раз видел уже отчётливо — она была подвешена под самолетным брюхом, поблёскивала сталью и улыбалась — я ясно различал нарисованную на её морде оскаленную пасть. Самолёт нырнул вниз, к крышам, на несколько секунд он исчез из поля зрения, затем пронёсся уже над моей головой, уже без бомбы. Ударил взрывная волна, с меня сорвало рубашку, и тут же пришёл звук, настолько громкий, что я почти сразу оглох и чуть-чуть ослеп, на секунду совсем.

Правая заводская труба падала, по пути разваливаясь на кубики, как игрушечная. Вторая труба разрушилась по-другому, надломилась у основания, и села, вычихнув дым, в небо выстрелил густой пылевой фонтан, отрезавший солнце, стало темно, ненадолго, слева в воздух выплеснулся огонь, жадный оранжевый гриб — взорвалась нефтебаза. Поднялся ветер, он разорвал пыль на отдельные вихри, и я увидел, как гибнет город. В тишине.

В пригородах горели и почему-то взрывались частные дома, подбрасывало крыши и сломанные доски, оплывали башни элеватора, над вокзалом повисла коричневая гарь, из которой выступала банка водонапорной башни, построенной в тысяча девятьсот

восьмом, горели шестиэтажные дома на Набережной, у одного из них отвалилась стена.

Мир, он как бы осыпался по краям, я смотрел точно через длиннофокусный объектив, то, что был передо мной, выступало ярко и выпукло, то, что оставалось сбоку, рассеивалось в невнятное крошево. К глазам словно приставили бинокль, и после этого я смотрел сквозь него почти полгода, жизнь проплывала, будто отделённая толстыми линзами и чуть мутноватыми призмами.

Наверное, это тоже спасло мне жизнь. Рассудок во всяком случае. Да, точно, так.

Постепенно нормальное зрение вернулось, но ощущение в голове сохранилось, ненормальность, странный дефект пленки. Пока был жив фельдшер, я спрашивал. Он не очень хорошо разбирался в медицине, долго щупал мне голову и смотрел в уши, потом сказал, что у меня, видимо, повреждение мозга, но какое точно, сказать нельзя. Возможны разные проявления, звуки, голоса, видения разные, равнодушие и оцепенение, лечить это, особенно в наших условиях, никак нельзя, так что надо просто жить аккуратнее.

Голоса, фигуры, до этого, к счастью, не дошло, но всё равно, приятного было мало, оцепенение, однако. И ещё. Я перестал понимать карту. Саныч пытался мне объяснить, и на бумаге показывал, и на земле рисовал. Где мы, где болото, где немцы — а вот тут Псков, вот тут, видишь? Вот Старая Ладога, вот же! Реки, дороги, железные дороги, всё это рассыпалось в крошку. Я отличный партизан, если меня поймают, я не смогу

никого выдать, просто не сумею. Поэтому я всегда с Санычем. Я не в состоянии никуда выйти в одиночку, теряюсь в двух соснах. Для меня нет никакого «там», для меня всегда только «здесь», я не могу представить, как там в Пскове, про Москву можно не говорить. Нет, я помню Псков, но... Это сложно передать словами, ты словно в ведре живёшь.

Ещё не могу вперёд думать. Дня на три, от силы... Мучительно. Точно всё время скользишь по льду и не можешь ни зацепиться, ни остановиться, катишься, катишься... Но и плюсы тоже есть, в таком скольжении. Я стал лучше замечать детали». [4, 73]

«Я вообще ни разу не дрался, как это ни странно. А тем более со старшими». [1, 100]

«Я никак не мог понять эту свою жизнь, пытаться бросил. А первое время всё старался. Вот ты живёшь в городе, на втором этаже с балконом, ходишь в фотографический кружок, а вечером подтягиваешься на косяке, и уже семь раз, почти ГТО, и отец уезжает каждое утро на свой завод, а мать печёт голландские пирожки на один укус, и сестра... а потом раз — мельтешенье какое-то, грохот, сирены, огонь, и я уже иду через лес, и прячусь в канаве, в руке нож, и никакого промежутка, всё другое. А я уже и не помню, с чем эти пирожки, почему-то представлялось, что с горохом, хотя кто будет с горохом печь?» [1, 110]

«Я привычно слушал. Очень скоро Саныч устал трещать про себя и предложил мне что-нибудь рассказать. А мне не очень хотелось про своё детство, к тому же по сравнению с Санычем, жизнь у меня была какая-то чересчур однообразная, обычная, ну разве что про фотографию, это интересно». [1, 147]

(корреспондент о Саныче) «— ...Цифры и даты — это, конечно, хорошо... Нужно другое. Ты же с ним был... Сколько? Два года?

(Дмитрий) — Полтора». [1, 266]

«Я старый, а с годами люди не умнеют, электрическое течение в голове ослабевает и ломается вихрями, между желанием почесаться и движением руки уже пролегает время, что уж говорить о фантазиях, о памяти. Иногда я не помню, что было в прошлую среду, зато прекрасно помню, что происходило семьдесят лет назад». [1, 291]

САНЫЧ

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«Саныч был упрям» [1, 30]

«Саныч всё-таки человек выдающийся, умеет. И стрелять, и сказать. Наверное, это из-за того, что он газеты любит читать. Он их читает, а потом своё составляет. Ему, наверное, самому уже можно в газеты писать, надо, кстати, спросить...» [1, 33]

«Я совершенно потерялся, шагал себе послушно за Санычем, который пробирался уверенно, как по дороге. По каким приметам он определял путь, я понять не мог, наверное, он знал каждое дерево в лицо, есть же люди с фотографической памятью, утром увидят газету в ларьке, вечером лягут в раскладушку и читают по памяти...» [1, 42]

«В очередной раз убедился, что Саныч вперёд видит на восемь ходов, может быть, он и гада этого прихватил только для того, чтобы сейчас его в старицу загнать». [1, 42]

«Саныч плюхнулся рядом с вершей. Синий, измазанный грязью, по коже мурашки, выглядел зло и опасно, по-боксёрски, у нас в доме пионеров боксёры тренировались, так вот они все такими были, вислоплечие, сбитые, крепкие, как медведи, только Саныч всё равно с любым из них бы справился». [1, 45]

«— Не знаю, — Саныч пожал плечами. — Меня нельзя сфотографировать. Совсем то есть.

— Как это?

— Очень просто — меня цыганка в детстве заговорила». [1, 51]

«Как-то раз отец Саныча, большой мастер по части производства фанеры, ну, и в других древесных премудростях разбирающийся, отправился в Сибирь с командировкой, а Саныч вместе с ним напросился, хотел Байкал поглядеть. Но до Байкала они не доехали, потому что по пути отец вышел за кипятком, и пока он стоял в очереди, Саныча украли цыгане. Отец побежал вдоль путей и увидел, как цыганята ведут маленького Саныча в сторону глухого пакгауза. Отец закричал, схватил Саныча, схватил одного цыганёнка, поволок в милицию. Их догнала старая цыганка, она упала на колени и умоляла отца их в милицию не сдавать, подарила золотые серьги, а на самого Саныча наложила заклятье от пули, боли и неволи.

— С тех пор от меня всё отскакивает, — сказал Саныч. — И ножи, и пули, и фотографии. Сколько раз уже пробовали, и в школу фотограф приезжал, и из газеты — ничего не получается, хоть ты тресни». [1, 52]

«— Ты ведь комсомолец уже, — спросил и одновременно ответил Ковалец. — Должен понимать. Вот я всегда удивляюсь, откуда такая разболтанность, а? Семнадцать лет, Герой уже почти представленный, а всё кривляешься! Разве так можно?» [1, 53]

«Корреспондент стал задавать Санычу обычные вопросы, всё по порядку, как полагается, сначала про детство, потом про то, как он убил генерала. Саныч уныло, почёсываясь и похихикивая, в восьмой раз рассказывал про тот самый случай на дороге, со скучным видом привирая о том, как он выскочил с победным криком, как кинул гранату, затем вторую, как стал стрелять, отсекая мотоциклистов... а нет, мотоциклисты это в другой раз были, с пулемётчиками вместе, генерал и сам был огого, и без самокатчиков, с двух рук шмалял только так...

Виктор был явно неопытный, записывал подряд, много, подробно, не отсекая выдумки. Отчего Саныч постепенно разошёлся и распустился, и принялся врать уже напропалую, не обращая внимания на покашливания Глебова. Я тоже не удержался, и стал сигналить — моргать и двигать носом. Но увлечённый Саныч этого, само собой, не заметил». [1, 55]

«— Вы ведь пионер?

Саныч помотал головой.

— Да не, уже по возрасту вышел, — сказал он. — Я в комсомол вступил, только у нас ячейки толком нет. Но ничего, всё постепенно. Я и в партию тоже хочу». [1, 65–66]

«— Расскажите, как вы попали в партизаны? — спросил он. — В общих чертах, конечно.

— Да как все. Пришли немцы, выгнали в лес. В дома наши залезли, а мы землянки отрыли, стали жить. Думали

ненадолго, ага. Потом глядим — осень уже, земля твёрдая...» [1, 66]

«— Нет, я про то, как вы пришли в партизаны, если можно, поподробнее.

— Так я и рассказываю. Мы жили в лесу, я мамке и говорю — чего это мы в землянках живём, а фрицы в нашем доме? Давай их подпалим, пусть попрыгают. А мама сказала, что не надо палить, как немцы уйдут, мы только полы с кирпичом помоем, да стены можжухой окурим. И вернёмся себе спокойно. Ну, стали дальше в землянках сидеть. До нового года почти досидели, а потом я подумал, что мне надоело в корнях подгнивать, взял лопату и ушёл.

— А лопату зачем? — удивился корреспондент.

— Топор мать не дала, а лопата ей ни к чему, сажать всё равно нечего.

— А партизан как нашли?

Саныч хохотнул.

— А что их искать то? Тут у нас всё просто, или партизан, или полицаёв. Полицаёв я сразу узнаю, по смраду, а если не смердит — так, значит, и партизан». [1, 66–67]

«А Саныч, напротив, был серьёзен и сосредоточен, видно, что к рыбалке он относится основательно, почти так же, как к войне». [1, 166]

«Саныча с нами не было. Он лежал на склоне за рекой возле вымерзшего куста, уткнувшись лицом

в землю. Я испугался, но тут он поднял голову и стал стрелять». [1, 260]

«— Он погиб, — перебил я. — Тут всё просто.

— Да, конечно, — согласился Виктор. — Я это хотел не для книги узнать, для себя. Хочется понять некоторые вещи, прояснить, так сказать...

— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все.

— Да, я знаю». [1, 265]

«... мать его совсем не помнит. То есть она помнит его совсем другим. Не тем. То есть не тем, что нужно. Я её спрашиваю: „А что он делал-то?“ А она отвечает: „Как все — по лесам скакал, в войну играл, рыбу ловил”». [1, 266]

«— Да... Это правильно, что про Лёньку книжку писать будут, он ведь герой. Его именем даже улицу в Новгороде назвали. Валька сама видела.

— Улицу?

— Ага. Красивая, дома все новые, и водокачка есть, и липы цветут везде». [1, 279]

«С толстой глянцевой бумаги альбома на меня смотрит Саныч. Весёлый и злой, стоит, прислонившись к стене. С копьём, в тени узкого горного ущелья, отделяющего сумрак от света, потомок Геракла в сорок третьем колене, вечно на страже». [1, 290]

АЛЕКСЕЙ КОВАЛЕЦ

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«Ковалец начал злиться. Он быстро злиться начинает, раньше работал плотогоном, любит поорать, умеет, а матерится так, что неосторожные комары замертво падают ещё на подлёте». [1, 47]

«Ковалец, наверное, безобидный в общем-то, однако горячечный слишком, заносчивый, заносит его иногда. Не держит себя в руках, сердится очень». [1, 48]

«Причёсывался Ковалец тоже не просто. Расчёска у него алюминиевая, с длинными острыми зубцами, блестящая, сбоку пилочка для ногтей, а на конце что-то вроде ложечки, приспособление неизвестного назначения — Саныч полагал, что ковырялка для ушей, сам Ковалец утверждал, что в ложке этой растапливают воск, который втирают в причёску для придания ей блеска и устойчивости. Эту выдающуюся расчёску Ковалец снял с одного ефрейтора, а потом долго кипятил на предмет избавления от немецкого духа, и спиртом протирал трижды, а после всех полагающихся процедур вставил в рукоять от бритвы, и когда надо было причесаться публично, красивым движением выщёлкивал её, и, потрянув чубом, изысканно совершал туалет». [1, 48]

«...Ковалец, напротив, раздулся, как лягушка на свадьбе и заорал:

— Быстро в штаб!!! Быстро! Это приказ!!!

Это он за счёт голоса свой размер увеличивал, и перед командиром издалека выслуживался, считал, что у кого громче ор, тот начальству больше заметен». [1, 49]

«Ковалец жулькал в зубах папиросу, не курил, просто красовался — папироса была настоящая, и очень Ковальцу шла, с папиросой он выглядел гораздо мужественнее. Для фотографии, наверное, тренируется, в «Красной Звезде» хочет напечататься, а мне так кажется, ему уже можно и не тренироваться, пойдёт вполне себе, а папиросу ему, видимо, Виктор дал». [1, 72]

«Я давно уже заметил — есть люди торжественные, а есть так, не очень. Вот Ковалец торжественный. Плечами поведёт — и как на трибуне развернётся, Саныч вот так не умеет». [1, 98]

«Ковалец смеялся вроде прилично, красивым голосом, каким смеются в кино, умудряясь при этом важно оправлять неожиданный заусенец на указательном пальце и поглядывая на остальных с новым превосходством. А потом не удержался и расхохотался уже по-настоящему, задиристо и беззаботно, отчего вдруг стало видно, что он тоже сопляк, двадцати ему явно нет, просто уж такой большой вымахал». [1, 200]

«— Глебов не мог их пропустить, — бормотал Саныч. — Нет, конечно, он никого и не пропустил, он всё предусмотрел, все ушли вовремя. Ковалец остался.

То есть самый лучший остался, он прикрывал отступление остальных и...» [1, 227]

«Откуда-то, точно из-под снега, выскочил Ковалец, а может, точно из-под снега. Он был не похож на себя, исчезла вся красота и гладкость, лицо оказалось перекошено яростью, в руках доска метра полтора длиной с закреплённой взрывчаткой. Полушубка нет, шапки нет, тоненький вязаный свитер. Ковалец кинулся к поезду через снег, высоко выдёргивая ноги, точно выплясывая дурацкий птичий танец. Его тут же заметили, охранник на платформе сдёрнул автомат и тут же вскинул руки, пуля пробила ему плечо и солдат упал между платформами, под колеса. Кулаков, снайпер. Машинист загудел, упал ещё один часовой, остальные очнулись и стали стрелять по Ковальцу, но его уже было не остановить. Кажется, он что-то орал, я бы орал, точно, как тут можно не орать?

— Не стрелять! — крикнул Саныч.

Мне. Я и так знал, что стрелять нельзя, рано, можно задеть Ковальца, только Кулакову можно.

Ковалец подскочил к рельсам перед первой платформой, сунул бомбу, и отпрыгнул в сторону, откатился, завяз в снегу, немцы стали стрелять гуще и отчаяннее, я подумал — вот сейчас в него точно попадут, но не попали, Ковалец перекатился, и ещё перекатился, и тут грохнуло, почему-то глухо, в стороны полетела земля и снег, так что я даже подумал, что бомба не сработала на полную мощность». [1, 193]

«— Мы в школе вместе учились. С Ковальцом, он на несколько классов старше был, но я помню его. Над ним и тогда все смеялись, и одноклассники, и вообще все. У нас там рядом пруд был со школой, а Ковальцу однажды штиблеты купили, отец из Пскова привёз. Только на размер меньше они оказались, у Ковальца ноги всё время уставали, поэтому он их только раз в неделю надевал, по пятницам всегда. Но только на переменах их носил, а на уроках снимал. И вот однажды у него на физике их спёрли. Потихонечку так, Ковалец и не заметил.

Саньч усмехнулся.

— Эти штиблеты в таз сунули и в пруд запустили. Ковалец на улицу босиком выбежал, глядит, а башмаки его тонут. Он их доставать начал. Все собрались смотреть, вся школа. Ковалец сначала пробовал палкой достать, но пруд широкий слишком, не получилось. Ковалец тогда закричал и в пруд прыгнул, поплыл за туфлями, дурила...

Саньч потёр друг о друга ладони, подышал, разогревал пальцы.

— Весь в тине выбрался, над ним все смеяться стали, даже учителя. Он потом так рассердился — два дня в школу не ходил. И прозвище к нему привязалось — Плавунец. Он и раньше смешной был, дурачок дурачком. А потом к нам кино привозить стали, он в него ходить стал, смотрел, как жить правильно надо. Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саньч стучал зубами.

— Советского Союза... Вот он и злился. А он храбрый был, по-настоящему. Только ему не везло всё, он всё время старался, а у него не получалось, понимаешь? Пойдём на мост, а он ногу подвернёт. Или операцию отменяют. А потом ещё...» [1, 246–247]

«— Зато он на фотографиях всегда хорошо получался, — сказал Саньч. — Красивый. Одеколониться любил, а Глебов ему запрещал — чтобы немцы не учуяли...

Саньч усмехнулся.

— Так-то. Ты, Дим, не бойся, всё хорошо будет, — сказал он. — По-другому не может... Ковальца вот только жалко — ничего и не увидел. Только жить начал... А он ведь тоже герой. А помнить его не будут, вот что погано.

— Будут, — возразил я». [1, 248]

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все». [1, 265]

ЛЫКОВ

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«Лыков повар. Плохой, он в керосинке раньше работал, продавцом. Спички, мыло, мука, ячмень, ну, его здесь на кухню и поставили — вроде как к продуктам питания отношение имел — вот и годен. Вот он нам и кашеварит, как умеет, то крупа не доварена, то песок хрустит, про недосол уж никто и не вспоминает. А лук всегда пережжённый. Но у нас никто не ругается, горячо и много — значит и вкусно. Вот и сейчас, шкварки застревали в зубах, лук Лыков пожарить забыл, и порезать забыл, просто забросил в котёл целиком, и он распространился по всей каше, мягкий и разваренный, вместо моркови то ли грибы пересушенные, то ли корешки подозрительные. Еда. Раньше бы меня от этого всего стошнило, сейчас добавки попросил бы. Только Лыков и так её приносит, без напоминания. Он нас жалеет, у него то ли внуки, то ли правнуки уже, а мы их ему, наверное, напоминаем.

А дурачок Ковалец на нас покатыл, помешал обедне, вот Лыков сразу и рассвирепел, настоящий керосинщик, а они всегда немного сумасшедшие — от горючих паров. У Лыкова и вид такой — керосиновый, жёлтый, глаза впалые, худой, хоть и при кухне состоит. Организм весь насквозь отравлен и пропитан, мясо на костях не задерживается». [1, 50]

«Лыков человек почему-то сильный. Я сам видел, как он подводу разгружал — на каждое плечо по мешку

с мукой, и ничего, тащит, напевает. И хотя Ковалец сплавщик и тоже парень не хилый, с Лыковым ему, наверное, не сравниться. К тому же Лыков ещё и авторитетный дядечка, он ещё в гражданской участвовал, вес имеет, Ковальцу до него из двух ноздрей не досморкнуть, так что Ковалец прищпорил голос и уже попросил:

— Ты бы лучше шёл всё-таки, Фанера». [1, 51]

«Лыков действительно суп уже доварил, поглядел на нас, молча забрал котелки, и выдал уже полными, опять умудрился с горой, похлёбка, а с горой. Не жадный Лыков, хоть и керосинщик.

Похлёбка оказалась, как всегда, невкусной. Суповые принадлежности уже совсем разварились и не угадывались в ложке, понять, где грибы, где крупа, а где лук, не получалось, у Лыкова определённо был талант, наверное, на чемпионате худших поваров он бы занял первое место. Кроме того, в котелке болтались комары, сухие еловые иголки и прочий мусор, можно выловить ложкой или хотя бы отогнать в сторону, но у нас никто так не делал. Я раньше ловил, а теперь плюнул, разницы всё равно никакой.

Похлёбка оказалась как всегда невкусной, но ели мы как всегда с удовольствием». [1, 72]

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все». [1, 265]

ГЛЕБОВ

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«Корреспондент раскрыл растерянно рот, Глебов поглядел на меня, щёлкнул языком.

— А куда мне их девать? — спросил он почему-то у Виктора. — Выгнать нельзя — их убьют сразу. А если не убьют, то в Германию угонят. Домой я их тоже не могу отправить, дом тут совсем не у каждого остался. Да и опасно отправлять, сами знаете. Ко мне каждый месяц сопля какая прибивается, а я тут советская власть, я их определять должен...

Глебов свернул газету вчетверо, хлопнул себя по колену, сказал:

— А на месте они сидеть тоже не хотят, возраст не тот. Вот и воюют...

— Хорошо ведь воюют, — напомнил корреспондент.

— А... — Глебов только рукой махнул. — Это всё не для детей занятие, Виктор, сами ведь понимаете...

— В Древней Руси уже в двенадцать лет на поле выходили, — возразил Виктор. — Это исторический факт.

— Ну, мы же не в Древней Руси, — мягко перебил Глебов, — мы в Советском Союзе. Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые. Всё просто». [1, 59]

«Мне Глебов всегда почему-то машиниста напоминает, не знаю уж почему, как увижу — так сразу представляется машинист. Наверное, из-за рук. У Глебова они большие и всё время торчат из рукавов.

И нос большой, и уши тоже — мосластый человек. И занудливый. Никогда такого не встречал, удивляюсь, что он командир отряда, ему бы корзины плести... Нет, он, наверное, точно на железной дороге раньше работал, обходчиком. Он и сейчас всё обходит, везде смотрит, проверяет, а раз в неделю с нами уроки проводит. Ну, это он так называет. Рассказывает разное, а потом спрашивает, что мы запомнили. И ещё политические занятия, но это уже не с нами, а со всеми; на политзанятиях мы с Санычем забираемся в дальний угол, играем в шашки, или спим вообще». [1, 79]

«— Как будет использоваться электричество через сто лет?

Это у Глебова такая система — он любит задавать вопросы. И почти все вопросы у него про будущее. Вот про ту же Антарктиду рассказал — а потом спрашивает, зачем она нужна? Я вот совсем не мог придумать, зачем этот бессмысленный лёд может понадобиться, а Саныч, конечно, имел своё мнение. Он сказал, что в Антарктиде можно обустроить отличную тюрьму и отправить туда всех гадов. Самых главных, конечно, туда не надо ссылать, их посадят в клетку и будут бесплатно показывать в каждом сортире, а обычных, конечно, в Антарктиду. Там во льдах выплавят для них специальные камеры, и они там станут сидеть, а когда они подышать будут, их сверху просто водой станут заливать — и хоронить не надо.

А теперь вот про электричество Глебову интересно.

— Поезда на нём поедут, — ответил я. — Как метро в Москве. Кино каждому домой проведут... И вообще, электричество везде, наверное, будет». [1, 80]

«— Интересно, что Глебов с этим Щурым возится, а? — спросил вдруг Саныч. — Присмотреть за ним велит. Он меня, кстати, не первый раз уже просит. И сам следит.

— Да он за всеми следит, — ответил я. — За мной тоже. Помнишь, когда я болел? Каждый день приходил, здоровье проверял. Он же командир — ему положено». [1, 87]

«Глебов в Испании воевал, добровольцем ездил. И Финскую прошёл, у него друзей много». [1, 88]

«Глебова почти не видно, голова обмотана бинтом и похожа на осиное гнездо. И ещё какие-то люди, я их не знал, но, кажется, партизаны, бородатые и взгляды злые. На носилках человек, закрыт шинелями. Раненый.

— Глебов! — позвал Саныч.

Бородатый старик вскинул автомат, направил на нас.

— Вы что костер жжёте? — Я съехал вниз. — На весь лес же слышно!

Глебов ничего не ответил, уставился на нас дурными мутными глазами, щека дёргается. Контузия, точно». [1, 240]

«Глебов кашлял. Пуля пробила грудь и теперь болталась в лёгком, через рот шла кровь, и Глебов сплевывал её через каждые десять шагов». [1, 241]

«Собрались у последней бани. Дышали тяжело, всхлипывая. Глебов прислонил к стене пулемёт, привалился сам.

— Надо за реку, в лес, — сказал он. — Сейчас побежите... Оружие держите. Не отстреливайтесь, только бегите, только вперёд. Я скажу, когда...» [1, 259]

«Меня повело в сторону, я вдруг понял, что сейчас умру, через минуту. Это было какое-то огромное знание, ощущение... невероятное, описать это нельзя, это свалилось вдруг и подмяло, но Глебов оказался рядом. Он схватил меня за ремень и потащил за собой. Рядом бежали, почему-то совсем незнакомый мне человек, и ещё двое справа.

Река всё не кончалась, мы всё бежали, Глебов держал меня за пояс, не давал упасть, а потом я почувствовал под ногами землю, схватился за кусты и пополз вверх». [1, 260]

«Снег оказался глубоким, мы застряли, я завалился. В голове стало темно, упал лицом в холод, понял, что не встану. Меня перевернули. Глебов, лицо перепачкано кровью, засохшей, и свежей, и уже тёмной, Глебов очень хотел спать, такие глаза бывают у невыспавшихся, жёлтые, непроглядные. Он схватил меня за ворот фуфайки и поволок, вверх, по крути, застонал, выдернул на берег. Отдышался, поставил меня на ноги, привалил к дереву.

— Идти можешь?! Надо идти!!! Туда!

— Смогу, — ответил я.

— Тогда иди!

— Смогу...

— Вперёд! — крикнул Глебов. — Не оглядываться!
Вперёд, вперёд, бегом! Бегом!

Он оторвал меня от берёзы и подтолкнул, осторожно, стараясь не повалить, бережно, ласково, как отец.

Я сделал несколько шагов и, конечно же, оглянулся.

Глебов уже переходил реку. Возвращался. Солнце показалось из-за леса, светило ему в бок, по снегу плясала худая нескладная тень с длинными руками». [1, 261]

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все». [1, 265]

АЛЕВТИНА

(отрывки из повести «Облачный полк»)

«— Сколько ей лет? — спросил я.

Саньч не ответил.

— Сколько ей лет? — повторил я.

— Наверное, лет семнадцать. Или восемнадцать. А ты как думаешь?

— Семнадцать, — сказал я.

Я не очень хорошо определяю возраст девушек, совсем не умею, если честно. Как его вообще определять? По росту?

— С чего ты так решил? — спросил с интересом Саньч.

— Тощая, — ответил я.

— Ну, она же из блокады. Они там все тощие.

— Да у неё по глазам видно». [1, 79]

«Землянка Алевтины очень от нашей отличалась. Нет, построены они почти все одинаково: печка при входе, лежанки, окошечко для света, а дальше кто во что горазд. У кого стол настоящий, у кого кресло самодельное, у некоторых на потолке доски откуда-то, печка обязательно, обычно самодельные, конечно, из булыжников сложенные да глиной обмазанные, только труба жестяная, а у некоторых и фабричные, такие маленькие буржуйки.

У Алевтины печка представляла собой нечто среднее — чугунная плита и дверца, стенки и труба из самодельных кирпичей. Грела печка хорошо, с улицы показалось горячо, вообще, в хорошо

устроенной землянке теплей, чем в избе, только окон нормальных нет, но к этому быстро привыкаешь, потом в доме с окнами неуютно.

— Добрый вечер, — сказал Саныч чинно.

Алевтина кивнула. Она сидела возле плиты, читала книгу, «Мёртвые души», с белой полосой, тоскливейшая вещь, её в солнечный день читать скучно, а уж в полутёмной землянке...

Алевтина улыбалась, наверное, на месте про Ноздрёва, ну, как они в шашки играли, мне эти страницы тоже нравятся.

— А мы в гости к вам, — улыбнулся Саныч. — Не выгоните?

— Проходите, раз в гости, — пожала плечами Алевтина. — Садитесь вон...

Стулья кривые и уродливые, их Щурый делал. Гвозди у нас в цене, поэтому стулья вяжут веревками из ивовой коры, Щурый тоже так поступил. Верёвки разболтались, стулья стояли вкось-перекоось и опасно покачивались.

Мы уселись, причём я придвинул стул к стене, для лучшей опоры.

Щурый придвинул стол, Алевтина выставила маленький чёрный самовар, похожий на сплющенное яйцо, стаканы в таких же чёрных подстаканниках. Нарезанный серый хлеб в выструганной из капа миске, сахар россыпью, просто так. На самом деле, видимо, именины.

— Угощайтесь, гости дорогие, — объявил Щурый и сам первым уместился за стол и стал быстро есть хлеб.

Алевтина за стол не села, осталась на топчане, а мы с Санычем разместились вокруг самовара. Чай оказался с ромашкой и зверобоем, хлеб просто вкусный, я стал пить и потихоньку отщипывать краешки от ломтя». [1, 92–93]

«Она почему-то была не в духе, злая немного. Наверное, из-за тесноты — мы пришли, и в землянке сразу стало не повернуться. А может, из-за блокады. Блокадники — они все злые, это понятно. Там почти все поумирали и сейчас умирают. У Алевтины, кажется, мать там». [1, 95]

«(Ковалец) Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саныч стучал зубами.

— Советского Союза...» [1, 246–247]

ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛИКОВ

Леонид Александрович Голиков — пионер-герой, тимуровец, участник Великой Отечественной войны, партизан, Герой Советского Союза (посмертно).

Дата рождения:

17 июня 1926 г.

Место рождения:

д. Лукино, Старорусский уезд,
Новгородская губерния,
РСФСР, СССР.

Дата смерти:

24 января 1943 г. (16 лет)

Место смерти:

с. Острая Лука, Дедовичский
район, Псковская область,
РСФСР, СССР.

Награды:

Герой Советского Союза (посмертно);

Орден Ленина;

Орден Красного Знамени;

медаль «За отвагу»;

медаль «Партизану Отечественной войны» II степени.

Пятнадцатилетний капитан

Родился Леонид Александрович Голиков 17 июня 1926 года, в деревне Лукино Старорусского уезда

(ныне — Парфинский район Новгородской области), в семье рабочего.

Окончил 7 классов. Работал на фанерном заводе № 2 посёлка Парфино.

Когда началась война, район деревни Лукино оказался под гитлеровской оккупацией, однако был отбит уже в марте 1942 года. Именно тогда из числа бойцов ранее действовавших партизанских отрядов, а также молодых добровольцев формировалась бригада, которая должна была отправиться во вражеский тыл для продолжения борьбы с фашистами.

В числе парней и девушек, переживших оккупацию и желавших бороться с врагом, был и Лёня Голиков, которого поначалу не приняли.

На тот момент ему было 15, и командиры, отбиравшие бойцов, посчитали, что он слишком молод. Взяли его благодаря рекомендации школьного учителя, также вступившего в партизаны, и уверявшего, что «ученик не подведёт».

Ученик и в самом деле не подвёл: в составе 4-й Ленинградской партизанской бригады принял участие в 27 боевых операциях, сопровождал обоз из 250 подвод с продовольствием в блокадный Ленинград.

Особенно отличился при разгроме немецких гарнизонов в деревнях Апросово, Сосницы, Север. Всего им уничтожено: 78 немцев, 2 железнодорожных и 12 шоссейных мостов, два продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами.

Все, кто знал Лёню в бытность его партизаном, отмечали его смелость и мужество. Первую свою награду —

медаль «За отвагу» — Лёня Голиков получил уже в июле 1942 года.

В августе 1942 года на шоссе «Луга–Псков», неподалёку от деревни Варницы Стругокрасненского района, партизаны атаковали машину, в которой находился немецкий генерал-майор инженерных войск Рихард фон Виртц. Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. В ходе перестрелки один из немцев стал убегать к лесу, но Лёня бросился вдогонку и последним патроном все же «достал» беглеца. Как оказалось, это и был генерал, перевозивший важные документы. В руки партизан попало описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие данные военного характера.

Документы переправили советскому командованию, а самого Лёню представили к званию Героя Советского Союза. Однако сначала — в ноябре 1942 года — Лёня Голиков за этот подвиг был награждён орденом Красного Знамени.

Герои и предатели

Увы, партизанская биография, как и жизнь Лёни, получилась недолгой.

В декабре 1942 года гитлеровцы начали масштабную антипартизанскую операцию, преследуя отряд, в котором воевал Лёня Голиков. Оторваться от противника не получалось.

24 января 1943 года группа партизан в составе чуть более 20 человек вышла к деревне Острая Лука. Немцев в населённом пункте не было, и измотанные люди

остановились на отдых в трёх домах. Спустя некоторое время деревню окружил отряд карателей в количестве 150 человек, составленных из местных предателей и литовских националистов. Партизаны, которых застали врасплох, тем не менее, вступили в бой.

Вырваться из окружения смогли лишь несколько человек, позднее и сообщившие в штаб о гибели отряда. Лёня Голиков, как и большинство его товарищей, погиб в бою в Острой Луке.

Награждён посмертно

Партизаны, выжившие в последнем бою отряда, не забыли о своих товарищах, в том числе и о Лёне.

В марте 1944 года начальник Ленинградского штаба партизанского движения, член Военного совета Ленинградского фронта М. Н. Никитин подписал новую характеристику на представление Лёни Голикова к званию Героя Советского Союза.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1944 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками Голикову Леониду Александровичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Похоронен он на родине — в Лукино, на деревенском кладбище, где на его могиле установлен величественный памятник.

Сохранилась всего одна фотография Лёни, которая и позволила в будущем воссоздать на памятниках образ

юного героя. А для детских книг в советское время использовались фотографии его младшей сестры Лиды.

Память

В честь Лёни Голикова назван детский лагерь в городе Зеленоградске Калининградской области и школа № 13 в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл).

Имя Лёни Голикова носят улицы в городах Санкт-Петербурге, Йошкар-Оле (переулок), Калининграде, Омске, Донецке, Великом Новгороде (бульвар, улица), Пскове, Старой Руссе (переулок), Окуловке, посёлках Пола и Парфино и др.

Памятники юному герою установлены на площади в Великом Новгороде, в городе Евпатория (на территории бывшего пионерского лагеря «Золотой Берег»), в селе Ягодное, близ Тольятти (на территории бывшего пионерского лагеря «Алые паруса») и др. На территории Выставки достижений народного хозяйства, у входа в павильон № 8, установлен бюст работы скульптора Н. Конгисера.

ВСТРЕЧА С ХУДОЖНИКОМ

(отрывок из главы 5)

«... Художник и Саныч сидели за столом друг против друга. Между ними стояли небольшие фигурки, вроде как шахматы, только с руками. С балки свисала лампада на медной цепочке, горела еле-еле, вращалась вокруг себя, покачивалась, запуская по стенам ленивые хороводы. Неплохо живет художник, маслом освещается. Хотя, может, запас заранее, ещё до войны, афишу какую-нибудь нарисовал, а ему маслом заплатили. Или для гостей бутылку держит, мы ведь вроде как гости. Почему-то работало радио, так мне почудилось со сна, но потом я вспомнил, что радио здесь совсем не может работать — столбы-то в виселицы переделали. К тому же радио не просто рассказывало, но ещё и отвечало, тогда я догадался, что это они разговаривают, Саныч с художником. Сумрак менял голоса, добавлял глубины, покоя, в голоса вплетался сверчок, проснувшийся вместе со мной.

<...> — А вон та картина, — Саныч кивнул головой, на стене изогнулись тени. — Она... Это кто?

Художник ответил, но совсем уже неслышно, так что даже Саныч переспросил:

— Какой-какой полк? Много, конечно, народу, но не полк совсем, рота, наверное... Рубашки смешные...

Художник повторил. Опять тихо, я уловил только окончание фразы:

— ...стерегут, это ведь бесспорно. Все, павшие в боях... Да и не в боях, все честные и добрые люди, они представляют как бы...

Саньч недоверчиво засопел.

— А как они там живут? — спросил он с усмешкой. — Почему сквозь тучи не проваливаются?

Художник тоже хихикнул, задорно так, по-мальчишечьи; я подумал, что с возрастом я ошибся: он совсем не такой старьй, как мне показалось сначала. Просто о жизнь поизмочалился, усы опали, поистрепался.

— Тучи гораздо твёрже, чем нам представляется... А живут они очень хорошо...

Он опять перешёл на неразборчивый шёпот, стал говорить слишком быстро, что-то про большую беду. Когда придёт большая беда, поднимутся павшие за други своя...» [1, 118–120]

«...Я оглядел избу при свете. Икон не видно ни в углах, ни на стенах. Стены как стены, печь чумазая. Картины маленькие, разглядеть трудно, слишком тёмные. Коряги, плоски треугольные, ничего в них удивительного, дерево, глина. Даже уродливые. Наверное, для красоты нужен мрак, так как-то.

И ещё одна картина, у окна, на большом грубо сделанном мольберте. Закрыта дерюгой, только верхний правый угол отдёрган. Пригляделся: Саньч. Я проморгался — нет, на самом деле Саньч стоит...

— Пойдём отсюда, а? — предложил Саныч.

Я чуть не подпрыгнул — только что на картине его видел, а вот и сам он, и собран, и одет, в носу ковыряется.

<... > Я быстро оделся-обулся, попил воды, и через десять минут мы уже шагали по дороге. Саныч молчал, оглядывался часто, точно ждал, что кто-то нас станет догонять. Когда удалились от деревни километров на пять, сказал:

— Сумасшедший попался...

И снова оглянулся.

— Что?

— Сумасшедший, говорю. Всю ночь мне ерунду разную рассказывал.

— Какую?

Саныч пожал плечами.

— Про царей каких-то... Греческих, что ли. Старинных, короче, тогда ещё копьями воевали.

— Про царей? — удивился я. — А мне показалось, что про будущее. Я просыпался иногда...

Саныч кивнул.

— Про будущее тоже. Много врал, будущее совсем не такое.

— А какое? — спросил я.

Саныч не ответил сразу, пнул снег.

— Сумасшедший, точно...

— Почему?

— Да, много чего наболтал.

Саныч отмахнулся, стал рассказывать дальше.

— Как зовут, спрашивал. Откуда родом. А я думаю, а зачем ему знать, как меня зовут да откуда родом?

Ну и соврал, чужим именем назвался. Зовут меня, говорю, Фёдор, а родом я из Кирякино, это на востоке. А он только рассмеялся. Не поверил. И вообще, я думал отоспаться, а он как запустился...

Саныч зевнул, продолжил рассказывать.

— Про царя, значит. Не про того, что у нас был, а про совсем древнего, они со щитами бегали, я говорил. Так вот, этого царя со своими дружинниками поставили охранять проход в горах. Вот они и стали охранять. Ты эту историю не знаешь?

— Не. Я когда Грецию проходили, скарлатинил как раз.

— А у нас вообще истории не было, — сказал Саныч со вздохом. — Не все время, конечно, а только в шестом классе, наверное, тогда и пропустил. Хотя мне греки не нравились совсем, у них рабство было...

— Это у римлян, — возразил я.

— Не, у греков тоже, я точно помню. Там они все друг с другом воевали, а потом друг у друга рабов выкупали... А ну его, припадочный просто. И ещё надоедливый.

Саныч плюнул.

— У него там картина стоит, ты видел же. Странная картина, люди какие-то непонятные, смотрят как-то... Ну, не знаю... Как завучи. Целая картина одних завучей! Аж пробирает, глаза точно отдельно ото всего нарисованы... Глазастая картина!

Саныч поёжился.

— Так вот, люди какие-то. Одеты странно, вроде все в рубахах белых, а если присмотреться, то и нет — из-под рубах другое просвечивает. У некоторых мундиры

старинные, у других кольчуги, и в форме тоже есть. И это...

Саньч опять оглянулся.

— Темно, конечно, было... Но они как живые. Словно покачиваются. И сколько их, непонятно, вроде немного, но если долго смотреть... На самом деле, может, и полк. Художники — они как, все такие?

Саньч постучал себя по виску.

— Смотря какие, — ответил я. — Обычно нет. Если природу рисует, реку там или озеро, то с чего ему свихиваться-то? Он, наоборот, очень нормальный, денег много зарабатывает.

— Этот ненормальный. Ты бы его другие картины видел — ничего не похоже, какой дурак это купит? Я бы и даром такое на стену не повесил. А он пристаёт — говорит, давай нарисую, вот, говорит, для тебя тут справа местечко есть, в верхнем ряду. А я говорю: «А с чего это я должен тут быть нарисованным?» А он не ответил, стал какие-то краски разводить. И снова про своих царей.

Саньч поскользнулся на раскисшей колее, едва не упал, влип руками в грязь, ругаясь, полез вытирать ладони о сухую траву и о придорожные берёзки.

— Встань, говорит, как будто ты с копьём! — Саньч вернулся на дорогу. — А я ему говорю: «Как я встану с копьём, если я этого копья никогда не видел?» А он как взбесился, говорит: «Тебе просто никак без копья», затрясся весь, руки задрожали...

— Ну, я тогда подумал, а чего мне, жалко, что ли? Дядька последнюю краюху отдал, чаем напоил, на печи уложил, а я не переломлюсь ведь, правда? «Хорошо, —

говоря, — встану». Ну, встал в угол, рожу как на фотокарточку соорудил, ухват сжимаю, стою. А он рисует. Быстро так, и похоже, ну, ты же видел. И звёздочку пририсовал.

— А что? — сказал я. — Правильно, что сказал, тебе ведь давно за генерала полагается.

— Да я ему не говорил.

— Как? — не понял я.

— Так. Он когда рисовал, меня вообще ни о чём не спрашивал. И звезду так нарисовал, а я уж не стал поправлять, думаю, пусть, поскорее бы отделаться. Да он там многим звёзды пририсовал.

Саныч поёжился». [1, 121–125]

ЕФИМ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕСТНЯКОВ¹

Родился 19 декабря 1874 года (по старому стилю) в крестьянской семье, в деревне Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии. Окончил Кологривское уездное училище и Новинскую учительскую семинарию. По окончании семинарии работал народным учителем.

В 1899 году он уехал в Петербург, а затем в Казань — учиться. В 1905 году возвращается в родную деревню. В одном из частных писем Е. В. Честнякова сформулирована цель его жизни, цель, которая объясняет весь смысл его творчества. «Положение моё весьма неудобно: при отсутствии средств я стремлюсь создать «свою культуру» и забочусь о её сохранении... О помещении в музей мне говорили (Репин, например), но я того не желаю. Считаю свои вещи не туда относящимися. Множество людей делают что-то для своего пропитания, мало думая о более существенном, неслучайном. ...И душа истрадалась, что мало делается для коренного воздействия на жизнь...»

---

¹ Информация с сайта <http://chestnyakov.ru/index.php/biografiya>.

Вернувшись в 1914 году окончательно в родную деревню, он принялся за осуществление своей программы — строить «могучую универсальную культуру». Сразу же после революции Ефим Васильевич с энтузиазмом принялся за налаживание новой культуры на селе, стал одним из первых организаторов и пропагандистов народного творчества. Сохранилось его удостоверение преподавателя художественной студии Пролеткульта. Честняков активно участвовал в создании Народного дома искусств, деревенского театра, художественной детской студии. Свои рисунки и скульптурки он щедро дарил жителям родной деревни.

Ефим Васильевич Честняков занимался крестьянским трудом: пахал, сеял, косил. «С весны до осени на земле, пока не выпадал снег, и за труд мой учёный я садился лишь зимой...» — говорил он о своей жизни. В этом соединении крестьянского труда и художественного творчества прошла вся его жизнь. Умер он 27 июня 1961 года.

СУМКА С ПИСЬМАМИ

(отрывок из главы 10)

«...У немца была сумка. Кожаная, пузатая, как большой портфель, только с ремнём. Совсем не военная, видимо, трофейная, наверное, во Франции у кого-нибудь отобрал. Такая откормленная сумка, богатая, дорогая. Кожа толстая и маслянистая, будто и не замёрзла. Саныч наклонился над мертвецом, потянул за ремень. Сумка примёрзла, Саныч дёрнул сильнее, но фашист не шелохнулся — крепко пристыл. Тогда Саныч вытянул нож и попытался сумку срезать, однако не получилось, вокруг ремня naros лёд, лезвие с ним не справлялось.

— Окоченел, зараза... — Саныч упёрся ногой в замёрзшего, дёрнул покрепче.

Сумка с треском оторвалась, Саныч отряхнул её от снега, открыл.

— О, это по твоей части! — Он сунул руку внутрь, достал.

Камера. Фотоаппарат. Переносной. Видно, что дорогой, чьего производства, я точно не понял, вроде немецкий. Чехол аккуратный, внутри бархатный, а снаружи пупырчатая вишнёвая кожа, и размеры небольшие, в ладонь почти умещается — приличная машинка.

— Что за аппарат? — спросил Саныч. — Хороший? Разберёшься?

— Все камеры похожи, одно и то же везде. Линза целая, плёнка есть... Тут плёнка заряжена, кстати, почти новая, восемь кадров истрачено.

Я щёлкнул гашеткой затвора, взвёл аппарат, нацелился на сосну. Надавил на кнопку спуска. Аппарат прошелестел шторками.

— Работает.

— Ага, слышу. Это ведь тоже, наверное, корреспондент, — сказал Саныч мрачно как-то, ткнул немца валенком. — Наверное, тоже пишет в газеты. И фотографирует. Фотограф. Ну-ну...

Саныч повесил на шею лямку, пристроил сумку на животе.

— Да тут одна ерунда, — разочарованно протянул он. — Письма вроде...

Саныч достал пригоршню писем, немецкие, в серой бумаге.

— Конверты открытые, — Саныч проверил пальцем. — Проверяли, что ли...

Он достал письмо: тетрадный листок, совсем в клеточку, бумага как наша, а буквы не наши.

— Либер мутти... — прочитал Саныч. — Либер мутти, учил-учил в школе... Ты учил?

— Учил. Но забыл.

— А я французский хотел, французы лягушек едят, — одним ртом улыбнулся Саныч. — Лягушки вкусные, я сам их много жрал, надо только жарить правильно... Немецкий мне нравилось учить. Вас ист дас, вас ист дас, фрицы драпают от нас...

Саныч достал ещё писем, много, они застряли у него между пальцами, будто примерзли.

Саныч стал обрывать их, как листья.

— А тут и наши вроде... — удивился Саныч. — По-русски написано, но не треугольники. Зачем фашисту наши письма? Ну-ка, ну-ка... Слушай, а может, это разведчик какой, а? А это донесения шпионские? Ведь наши письма обычно в треугольниках. Давай-ка почитаем...

Саныч выбрал из сумки письмо, расправил, стал читать. Вообще-то, читать чужие письма не очень хорошо, я никогда не читал. С другой стороны, может, это на самом деле разведданные? Тогда нам очень повезло: посреди леса наткнулись на немецкого разведчика...

Саныч кашлянул. Горлом, будто у него там что-то застряло. Достал ещё письмо, стал читать, третье, четвертое. У него задергался глаз. Я такое один раз видел, когда...

Он скомкал письма, сжал их в кулак. Нос ещё задёргался. В прошлый раз, когда у Саныча задёргался нос, он... Ничем хорошим это не закончилось.

— Что? — спросил я. — Что там?

Саныч прикусил губу, отвернулся.

— Дай мне.

Я попытался достать письмо из кулака, но Саныч сжимал горсть крепко, пришлось чуть ли не пальцы отгибать. Вывернул письмо, почувствовал бумагу, шершавая. Чернила расплылись и немного позеленели, буквы утратили очертания, но прочитать было можно.

Я прочитал. Саша — отцу, ушедшему на фронт. Один лист, две тетрадные странички, почерк разный, то выше, то ниже, наклон гуляет, сами буквы треугольные, письмо как письмо, так я сначала подумал.

«Здравствуй, папа!

У нас тут хорошо. В этом году очень тёплая весна, и яблони цветут, но тут они не такие, а розовые, а яблоки на этих яблонях маленькие, как наш крыжовник. Но очень сладкие, из них даже сахар делают. А ещё тут растут другие ягоды, клубника, терновник и вишня, всё в конце лета поспеет, говорят, что будем варить варенье на зиму. Тут и лес есть, в нём растут грибы. И берёзовый сок, мы его недавно пили очень много, сколько хочешь. От него хорошо становится, и просыпаешься легко. Сплю я на втором этаже кровати, тут все новички спят сначала на втором. Но мне это и лучше, потому что до потолка далеко, как у нас дома. Тут в стене дыра была, но я сходил в лес и собрал мох, тот самый, зелёный, что, ты учил, для бани. И в щель забил, так что теперь не дует. Дом старый, он весь скрипит, а крыша как барабан, если идёт дождь, то будто камни падают. Летом мы будем все учиться на заводе, делать ящики для патронов и огород разводить. А ещё дрова пилим, потому что дров на зиму нам надо много — железная печка у нас одна, а остальные камины. Мама у нас умерла. Немцы пришли в наш колхоз и повесили дядю Борю, чтобы все видели. А потом они стали раздавать детям конфеты, и Вася тоже умер, съел две штуки, и у него изо рта побежало белое, а вечером он умер. И все остальные тоже умерли, потому что

конфеты были отравлены. А я только крайчик откусил, поэтому меня просто три дня тошнило. А тётя Аня не взяла конфет для своего Толичка, солдаты велели его вывести, а тётя Аня велела ему бежать. Но он неправильно побежал: надо было наискосок, а он прямо, солдат выстрелил и попал в ногу. Но Толик был ещё жив, только кричал. Тогда они его взяли и бросили в колодец. Мама сказала, что надо убежать, мы побежали в лес, а они стали стрелять нам в спину. Попали маме в плечо. Оно очень распухло и болело, мы бродили по лесу три дня и ели только чернику, а когда вышли к своим, то было уже поздно — у мамы началось заражение крови и её уже не вылечили. Так что теперь я один, живу здесь, в детском доме. До фронта здесь недалеко, нас хотят перевозить в Ташкент, но пока мы здесь. Мама мне совсем не снится. Другие дети говорят, что им снятся родители почти каждый день, некоторые даже с ними во сне разговаривают. А мне почему-то ничего не снится. Поэтому, когда будешь бежать в атаку, стреляй метче в проклятых фашистов, чтобы их больше не осталось.

Убей их всех, папа!

Твой сын Саша Котов»

Я прочитал. И ещё раз прочитал. Саныч стоял напротив меня, смотрел в сторону. Я не знал, что мне сейчас делать. Что говорить, как молчать. Было стыдно и страшно, и Санычу тоже. В тридцать восьмом у меня умер дедушка, сам по себе, от старости. Он умер на диване. Утром, до того, как я ушёл в школу, он был ещё жив, а когда я вернулся, как раз после гимнастики, то он уже всё. Лежал на боку, а мать с ним шепталась,

и руку его к своей щеке прикладывала, ласково так — я видел через приоткрытую дверь. Я сначала подумал, что это она ему рассказывает что-то, хотел войти, но меня соседка поймала. Сказала, что дедушка умер, и чтобы я пока не мешал, шёл бы куда погулять. Но я остался, я испугался, что сейчас мама ляжет рядом с дедушкой и умрёт тоже, и от этого на меня накатывал ужас, а стыдно было оттого, что я подглядывал.

Очень было похоже на сейчас: и страшно, и стыдно, и не знаешь, куда бежать. Некуда бежать-то.

Саньч высморкался, громко и неподходяще, сунул письма под мышку, высморкался ещё, вытер руки о снег и о рукава, снова взял письма:

«...Коле было четыре годика, но он был очень сильный. А рядом был госпиталь, и немцы его туда водили раз в два дня, забирать кровь для раненых. Но он все равно был весёлый, говорил, что врач ему песенки поёт про ёлочку. Однажды приехала машина и привезла много раненых, их сгрузили в школу. И снова позвали Колю, хотя бабушка не хотела его пускать. Но солдат ударил бабушку...»

Саньч замолчал. Он приблизил лист почти к глазам. Не читалось ему.

«...А Коля больше домой не пришёл. Потом один солдат рассказал, что в тот день разбомбили танковую колонну, поэтому нужно было много крови. Ещё у него срезали всю кожу для пересадки...»

Саньч потёр щеку. У меня заболела голова. И что-то в животе. Сильно очень, точно от спины что-то оторвалось внутри, в разные стороны поползло,

тянущее такое чувство, точно на лебёдку меня накручивали.

«...выгнали в поле и все дрова забрали. У меня голова ночью примёрзла к чемодану, а через два дня я ослеп и сейчас вижу только правым глазом, но всё хуже и хуже. Бабушка, если можешь, приезжай...»

Саныч читал чужим голосом, продолжал смотреть в сторону. Он как-то сломался, ссутулился и сгорбился, пальцы дрожали, сопли текли, но он их уже не вытирал. У меня тоже сопли.

«...Тогда они поймали его и привязали к столбу поперёк живота. И руки связали, сказали ему, что это такая игра, он сначала смеялся, потом, наверное, понял и описался. Они сунули ему в руки гранату и велели крепко держать, очень крепко. А к кольцу привязали верёвку, спрятались за углом. Кто-то из наших закричал, чтобы он бросил, но ничего не получилось, потому что руки были связаны. И он испугался и гранату только сильнее прижал, а они как раз дёрнули. Взорвалось сильно, все стекла повывлетали. А музыка все время играла. Столб загорелся и наклонился, а от Вовки только ноги стоять остались».

«...Тётя велела нам вспоминать, что было, когда немцы пришли. Но многие не хотели, плакали и прятались на чердаке. Но наш директор Фёдор Станиславович собрал всех в большой комнате и сказал, что бояться нечего, у нас тут всё спокойно. Поэтому мы должны всё честно написать, а кто не может писать, должен рассказать всё тёте, она сама запишет. То, что мы вспомним, имеет очень важное значение. Я очень хорошо всё помнила...

Я всё очень хорошо помнила, они все приехали на грузовиках. Весь город заполнился...»

«...А офицер спросил — ты пионер? А мальчик честно сказал: «Да, пионер». И тогда офицер выстрелил ему в голову...»

«...Пушки стреляют, так что вечером уже видно. Но ты не переживай, нас послезавтра вывозят в Ташкент, весь дом, даже с поваром. Мы будем ехать почти месяц в поезде, а потом поедем на верблюдах...»

Саньч замолчал. Он доставал письма. Некоторые лежали россыпью, другие были аккуратно перевязаны синими нитками и снабжены бирками на немецком языке. Саньч рвал нитки, доставал листки, смотрел, ронял. Поднимал, рвал на мелкие клочки, рвал, резал пальцы об острые края, начинал читать, отбрасывал и снова... Он уронил автомат, но не заметил, продолжал читать, только не вслух уже, то есть вслух, но я ничего разобрать не мог, одно бормотание.

Снял с шеи сумку. Сел рядом...

<...> Саньч достал из сумки альбом, небольшой, обычная книжка, только пухлая и страницы толстые. Я хотел закричать ему, что не надо туда смотреть, не надо, но он уже посмотрел. Первая страница, вторая, третья, он закричал и отшвырнул альбом. Тот упал и провалился в снег, только коричневый уголок высывался, Саньч не удержался, потянулся, но я опередил, подскочил, отпнул руку, а альбом вдавил в снег, почувствовал, как он погрузился в глубину. Саньч посмотрел на меня.

— Пойдём отсюда, — сказал я.

— Сейчас...

Саныч набрал снега в руку, сжал. Приложил получившийся ком ко лбу.

— Сейчас... Нехорошо, а?

— Ну да.

Нехорошо. Но скоро отпустит, через полчаса точно отпустит, задышится нормально. Чем дальше война, тем толще шкура, о неё уже можно спички тушить, и зажигать тоже можно. Забуду я этого Сашу Котова, и Вовчика, и мальчика, у которого выпили кровь и вырезали кожу. Забуду, только моргну подольше. Лишь чёрное семечко, поселившееся где-то в легких, справа от сердца, там, где душа, это семечко выпустит ещё один корешок, и станет больше, и крепче вращёт в мясо, так что выдрать его будет уже никак нельзя». [1, 210–221]

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Веркин, Э. Н. Облачный полк : повесть / Эдуард Веркин ; [предисловие Ксении Молдавской]. — Москва : КомпасГид, 2014. — 296 с. — Текст: непосредственный.
2. Веркин, Э. Черно-белый мир : Мужской разговор о войне и литературе / Э. Веркин. — Текст : непосредственный // Библиотека в школе : прил. к газ. «Первое сентября» : методический журнал для учителей начальной школы. — 2013. — № 5. — С. 12–16.
3. Книжная полка современного подростка. — Текст : непосредственный // Школьная библиотека. — 2021. — № 11. — С. 56–57.
4. Кутейникова, Н. Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе : методические рекомендации / Н. Е. Кутейникова. — М. : «МАЭСТРО ПлаТинум», 2017. — 158 с. — Текст: непосредственный.
5. Ноготкова, А. Г. «Музей проживания книги» как технология работы с художественным текстом : Эдуард Веркин «Облачный полк» / А. Г. Ноготкова. — Текст: непосредственный // Школьная библиотека сегодня и завтра. — 2020. — № 12. — С. 34–37.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Веркин, Эдуард. «Большие книги снова входят в моду» : [интервью с писателем] / беседовала Кларисса Пульсон. — Текст : электронный // Год литературы : [сайт]. — URL : <https://godliterature.ru/articles/2022/10/05/eduard-verkin-bolshie-knigi-snova-vhodiya-v-modu/> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Веркин, Эдуард. «Мы пишем-пишем, а зубы болят» : [интервью с писателем] / беседовала Дарья Доцук. — Текст : электронный // Блог Дарьи Доцук : [сайт]. — URL : <https://dariadotsuk.ru/verkin/> (дата обращения: 25.10.2024).
3. Время читать! : методические и практические материалы из опыта работы читательского объединения СахОДБ / ГБУК «Сахалинская областная детская библиотека» ; составитель Н. П. Старикова. — Южно-Сахалинск, 2014. — URL : https://sakhodb.ru/site_get_file/463/time.pdf/ (дата обращения: 25.10.2024). — Текст : электронный.
4. Кречетова, А. Эдуард Николаевич Веркин / А. Кречетова. — Текст: электронный // Мы из Коми: [сайт]. — URL : <https://imena.nbrkomi.ru/person/skan/218/> (дата обращения: 25.10.2024).

5. Последний исчезающий след уходящего времени: методико-библиографический материал по книге Эдуарда Веркина «Облачный полк» для руководителей детским чтением / Волгоградская областная детская библиотека; составитель Е. Ю. Ускова; редактор И. А. Знаменьщикова; ответственный за выпуск Н. В. Ретунская. — Волгоград, 2019. — URL : <https://www.biblioteka-volgograd.ru/izdaniya/izdaniya-2019-goda/poslednii-ischezayuschii-sled-uhodjasche.html/> (дата обращения: 25.10.2024). — Текст : электронный.
6. Смит, Лана. Веркин Эдуард, писатель: биография, творчество / Лана Смит. — Текст : электронный // FB : [сайт] — URL : <https://fb.ru/article5792/verkin-eduard-pisatel-biografiya-tvorchestvo/> (дата обращения: 25.10.2024).
7. Шабаета, Татьяна. Полк уходит в небо / Татьяна Шабаета. — Текст : электронный // Литературная газета : [сайт]. — URL : <https://lgz.ru/artcle/pol-k-ukhodit-v-nebo/> (дата обращения: 25.10.2024).

